

дельное торможение. Такого рода механизмы играют роль при выявлении других особенностей истериков—внушение, самовнушение, фантастичность, оторванность от реальной жизни и т. д.

Для полноты и ясности физиологического понимания истерии Павловым не в отдельных ее симптомах, а как *болезни*, необходимо еще привести следующее его представление о высшей нервной деятельности во всей ее совокупности, хотя это чересчур растянет рецензию. „У высших животных, до человека включительно, первая инстанция для сложных соотношений организма с окружающей средой есть ближайшая к полушариям подкорка с ее сложнейшими безусловными рефлексам. Вызываются эти рефлексы относительно немногими безусловными, т. е. с рождения действующими, внешними агентами. Отсюда ограниченная ориентировка в окружающей среде и с тем слабое приспособление. Вторая инстанция—большие полушария, но без лобных долей. Тут возникает при помощи условной связи, ассоциации, новый принцип деятельности: сигнализация немногих безусловных внешних агентов бесчисленную массой других агентов, постоянно вместе с тем анализируемых и синтезируемых, дающих возможность очень большой ориентировки в той же среде и тем уже гораздо большего приспособления. Это составляет единственную сигнализационную систему в животном организме и первую в человеке. В человеке прибавляется, можно думать специально в его лобных долях, которых нет у животных в таком размере, другая система сигнализации, сигнализация первой системы—речью, ее; базисом или базальным компонентом—кинестезическими раздражениями речевых органов. Эта вторая система сигнализации и ее орган, как самое последнее приобретение в эволюционном процессе должны быть особенно хрупкими, поддающимися в первую голову разлитому торможению, раз оно возникает в больших полушариях при самых первых степенях гипнотического состояния. Тогда вместо обычно первенствующей в бодром состоянии работы второй сигнализационной системы выступает деятельность первой, сперва и более устойчивой в виде мечтательности и фантастичности, а дальше и более остро в виде сумеречного или собственно легкого сонного состояния (отвечающего просонному им состоянию засыпания), освобождается от регулирующего влияния второй системы. Отсюда хаотический характер этой деятельности, не считающейся больше или мало считающийся с действительностью и подчиняющейся главным образом эмоциональным влияниям подкорки. После всего приведенного является вполне понятным с физиологической точки зрения говорить о нарушении в истерии психического синтеза, или о раздвоении „я“. Вместо соединенной и взаимно уравновешенной деятельности трех указанных систем в истерии мы имеем постоянное разъединение этих систем с резким нарушением их естественной и закономерной подчиненности, когда в связи и в должной зависимости работы этих систем друг от друга лежат основа здоровой личности, цельность нашего „я“.

Мы старались в нашей рецензии говорить языком самого Павлова, и говорить больше, чем это принято в рецензии. Но без этого в данном случае нельзя было обойтись. Брошюра Павлова—новое совершенно явление в психиатрической литературе. Здесь гениальный русский физиолог дал психиатрам первый свой урок „психиатрической физиологии“, вернее патофизиологии, блестяще объяснив физиологические клинические явления душевной болезни. Павловский метод условных рефлексов показал себя, как весьма жизненный, проникающий в самую глубь явлений метод и обнаруживающий при этом онто-и филогенетическую связь нервно-психических явлений в их постоянном движении, взаимодействии и взаимопроникновении. Метод условных рефлексов Павлова мы должны наравне с биогенетическим методом, с которым между прочим он имеет родственные черты и отношения, включить в арсенал марксо-ленинской методологии, как один из самых действенных методов исследования в естествознании, метод, способствующий лучше, чем многие другие методы, утверждению марксо-ленинской методологии и мировоззрения в естествознании.

Ив. Галант. (Ленинград).

Pawlow I. P. *Vorlesungen über die Arbeit der Grosshirnhemisphären*. Leningrad, 1932.

Данная книга есть немецкий перевод всем известной книги академика И. П. Павлова „Лекции о работе больших полушарий“. Появление в свет немецкого перевода этой книги надо приветствовать, как давно назревшую необходимость, а следовательно считать весьма своевременным. Недаром говорит Павлов в своей

брошюре об истории: „Все еще и на своей родине условные рефлексы, относительно мало известны“, а в Западной Европе, Америке и т. д. интерес к условным рефлексам идет, правда, все возрастающее, но все же они не пользуются еще тем вниманием, которое они заслуживают. Данный перевод безусловно с успехом исполняет свою роль проводника и распространителя учения об условных рефлексах за пределами СССР.

Перевод книги Павлова его ученик профессор Г. В. Фольборт (Харьков). Надо сказать, что Фольборт прекрасно справился со своей задачей и дал очень хороший немецкий перевод. Главная заслуга перевода заключается в том, что он старательно придерживается русского текста без того, чтобы при этом замечались грубые стилистические нарушения литературно-научного немецкого языка. Вместе с тем Фольборт дал специальную немецкую терминологию соответственно новым русским терминам, вызванным в жизнь специфичностью и новизной учения об условных рефлексах.

Книга издана хорошо, в изящном переплете, и если принять во внимание выходящее качество издания, то цена ее 15 руб. 75 коп. может быть не совсем высока.

Ив. Галант. (Ленинград).

Беритов И. С. *Индивидуально-приобретенная деятельность центральной нервной системы*. ГИЗ Грузии. Тифлис, 1932 г. Стр. 470. Цена 8 руб.

Индивидуально-приобретенная деятельность цнс. это те же условные рефлексы. Однако, Беритов не согласен во многом с Павловым, критикует учение об условных рефлексах Павлова, находя, напр., что учение Павлова гипотетично, что оно резко расходится с данными общей физиологии, а потому он вместо условных рефлексов говорит индивидуально-приобретенные или просто индивидуальные рефлексы. В предисловии Беритов кается в своих старых ошибках и говорит, что настоящая его книга есть переработка немецкой его монографии: „Ueber die individuell-erworbene Tätigkeit des zentralen Nervensystems“, печатавшейся в 1927 г. в *Journal f. Psychol. u. Neurol.* т. 33. с точки зрения диалектического материализма. Равьше Беритов был механистичен и идентифицировал науку о поведении с учением о рефлексах. Теперь же он строго разграничивает между тем и другим. Предметом науки о поведении являются не рефлексы, не изолированные акты какого-либо органа или комплекса органов, а деятельность всего организма в целом; рефлексы являются теми элементами, из которых складывается поведение путем объединения их в единый акт приспособления всего организма ко внешней среде.

Вот это строгое разграничение между учением о рефлексах и наукой о поведении есть кажется весь „диалектический материализм“ книги Беритова. Это, конечно, большой шаг вперед, принимая во внимание, что Беритов дает весьма сжатую характеристику различных видов поведения на различных ступенях филогенетической лестницы развития. Но т. к. сам Беритов заявляет, что настоящий труд об индивидуально-приобретенной деятельности представляет тот отдел нервной физиологии, на котором должна между прочим основываться наука о поведении, конечно в том виде, в каком может быть написан данный отдел при современном состоянии физиологии цнс., то его диалектически-теоретические мысли о поведении значительно теряют в весе.

Книга Беритова содержит следующие XVI глав: I. Введение. II. Методы исследования. III. Общая характеристика индивидуально-приобретенных рефлексов. IV. Изменчивость И.-П. Р. V. Основные воззрения Павлова и Бехтерева на развитие и изменение И.-П. Р. VI. Закон сопряженной иррадиации. VII. Происхождение И.-П. Р. VIII. Временные связи И.-П. Р. IX. Об основных элементах рефлекторной дуги И.-П. Р. X. Происхождение угасания И.-П. Р. XI. Происхождение восстановления И.-П. С. XII. Отношение И.-П. Р. к постоянным необычным раздражениям. XIII. Отношение И.-П. Р. друг к другу. XIV. Действие некоторых физиологических состояний на индивидуальные рефлексы. XV. Объединяющая (интегральная) деятельность коры большого мозга XVI. Заключение.

Само собой разумеется, что реферировать здесь содержание всех этих глав хотя бы в самой сжатой форме не представляется возможным. Ограничимся несколькими замечаниями по существу. Книга Беритова по богатству своего содержания, по обилию ценных наблюдений, и как первая попытка систематического изложения основных фактов добиться главным образом в многочисленных институ-